

КРУГОЗОР

**В.Г. ГОРОХОВ, профессор,
главный научный сотрудник
Институт философии РАН**

Дебаты о реформе Российской академии наук

Автор размышляет о судьбе российской науки в свете сегодняшних реформ, о требованиях приведения ее в соответствие с отечественной традицией, о науке и псевдонауке, о «естественниках» и «гуманитариях», о значимости национального языка для развития науки.

Ключевые слова: реформирование науки, Российская академия наук, бюрократизация науки, показатели продуктивности деятельности ученого, псевдонаука, РАН и Военно-промышленный комплекс

Когда в нашей стране речь заходит о реформах, невольно вспоминаются пассажи из Островского и Салтыкова-Щедрина. В пьесе Островского «На всякого мудреца довольно простоты» генерал пишет трактат «О вреде реформ вообще». Он рассуждает так: «Хорошо стоял стол на ножках, крепко стоял, прочно, нет, давайте его теперь вверх ногами поставим ...». Народ сопротивляется, как может. Но чтобы противостоять реформам, нужен здоровый консервативный социальный слой. Поэтому, замечает Салтыков-Щедрин, познавший российские бюрократические механизмы изнутри, может прийти некто на белом коне, «сжечь гимназию и упразднить науку».

Примерно такую ситуацию мы наблюдаем сегодня, с той лишь разницей, что бюрократия по сравнению с царизмом или даже советской властью разрослась неимоверно. Если во времена проклятого царизма, как рисовали на широко известной карикатуре, один был с сошкой, а семеро с ложкой, то теперь с ложкой, «тьмы и тьмы и тьмы и с жадными глазами». Зато с «сошкой», благодаря усилиям властей за последние почти сто лет, не осталось вообще никого.

Кроме того, большим подспорьем для бюрократии стало информационное обще-

ство, которое нам предрекали как путь освобождения от оной. Чиновники теперь — это «творцы нового», в том числе и нового знания вне науки. Они творят новые формуляры в компьютерной среде, вывешивают их на своих сайтах «на всеобщее обсуждение» (лучше всего на короткий срок и так, чтобы добраться до них было невозможно или очень трудно), а потом заявляют: ваше время истекло, не приняли участие в обсуждении — сами виноваты. А если бы и приняли, даже в качестве экспертов, то кто же наши замечания будет читать? И тем более учитывать! Но странно другое. Именно благодаря информационному обществу созданная чиновниками виртуальная реальность стала реальнее действительной социальной реальности. И внедрять ее приговорены мы сами, при этом проверять нас на соответствие этой навязанной виртуальности будут те же самые чиновники.

«Народ», всякие доценты с кандидатами, не ценят и не понимают, как тяжело приходится бедным чиновникам работать: новые циркуляры нужно не только сочинить (к этому процессу, правда, привлекаются доверенные эксперты), но и протаскать через Думу и потом удивить всех тем, что «ничего мы за это брать не будем». Впрочем, сами принесут. Во-первых, за доступ к документам. Во-вторых, если хотите соот-

ветствовать нововведениям, платите посредническим фирмам, которые научат, как привести вашу никому не нужную реальность в соответствие с удобной им. Не успеете – перестанете существовать. Перефразируя известную философскую сентенцию: существовать – значит быть в восприятии чиновников.

Теперь несколько слов о дискуссии в связи с «реформой» науки. Ее очень интересно наблюдать. Поскольку участники часто *проговариваются* о том, что обычно скрыто от глаз.

Во-первых, и сторонники, и противники реформы, и подопытные кролики, и скрытые от общественности тайные ее творцы оперируют не историко-научными фактами, полученными в результате историко-научных и науковедческих исследований, а «знаниями понаслышке». Многие, ссылаясь на собственный опыт работы за границей или просто ее посетившие, говорят: давайте сделаем так же. Но ведь этот опыт нужно сначала перепроверить, а затем только адаптировать к местным условиям, иначе никакая, даже самая прогрессивная ре-

форма, как неоднократно показывал российский отрицательный опыт, не пройдет. «Народ», конечно, выдержит все, но вместо движения вперед будет откат назад. Так, когда ратуют за отмену двухступенчатой системы ученых степеней докторов и кандидатов наук, обычно ставят в пример Францию и Германию. Но как раз в Германии ее никто не отменял. Исключение, но всегда бывшее, – доктор-инженер, сочетающий в себе и доктора, и кандидата наук.¹ Говорят, что у них вся наука развивается только в университетах, но это неправда. При этом в лучшем случае упоминают общество Макса Планка, но всегда забывают о Сообществе крупных научных исследовательских центров им. Гельмгольца, Обществе Лейбница и Обществе Фраунхофера; финансирование каждого из них в разы превышает финансирование всей РАН, к тому же с минимальной бюрократизацией принятия решений. Все рассуждения о том, что на Западе наука развивается только в университетах, – это или намеренная ложь, или демонстрация незнания.²

Во-вторых, в дебатах этих часто недо-

¹ Например, уважаемый коллега декан философского факультета Высшей школы экономики Алексей Руткевич в одном из своих недавних интервью по поводу реформы РАН как бы между прочим заявил, что Германия уже 20 лет как отказалась от двухступенчатой системы присуждения степеней (см.: <http://mnenia.ru/rubric/society/ne-nujno-protivopostavlyat-akademiyu-nauk-i-university/>). Но это не соответствует действительности! Там до сих пор существует Promotion (соответствует нашей степени кандидата наук) и Habilitation (соответствует нашей степени доктора наук). Единственным исключением являются технические науки, где есть только одна ступень – Dr.-Ingenieur (доктор-инженер), которая, впрочем, существовала там всегда, а не является результатом сегодняшних реформ. Такого рода утверждения из уст известного ученого обладают для непосвященной публики гарантом истинности и могут далее распространяться в обществе как «историко-научный» факт.

² К сожалению, даже весьма уважаемый мною новый президент РАН академик В.Е. Фортов в своем последнем интервью для журнала «Эксперт» (<http://expert.ru/expert/2013/35/svobodanauki-kak-gosudarstvennaya-neobhodimost/?n=7743>) заявил, что «существует министерство науки, и существует Общество Гельмгольца, объединяющее крупные научные центры. Но эти центры на самом деле являются моноцентрами, каждый из них создан вокруг какой-то одной крупной установки, может быть, двух. Скажем, DESY — это лазер на свободных электронах. Или GSI — центр тяжелых ионов с большим ускорителем. В каждом центре один мегасайнс-проект, и всё». Но это только половина правды. Даже если они так и создавались, то сегодня эволюционировали как раз в ту сторону, о которой говорит уважаемый академик, – они занимаются работами во многих направлениях. Например, Исследовательский центр г. Карлсруэ, также принадлежащий сообществу Гельмгольца, действительно создавался как Центр ядерных исследований. Но реактор давно остановлен, а Центр, состоящий из множества разнопрофильных институтов (от нанотехнологии и технической химии до института оцен-

говаривают. Один академик говорит, что он работает полгода в престижном университете США и на престижной должности и потому имеет гигантский индекс Хирша. Известно, что американцы охотно ссылаются на своих и неохотно – на чужих. Например, на ключевую для развития метаматериалов работу российского профессора В.Г. Веселаго сослались только под давлением печатавшей ее редакции журнала. Ссылаются в основном на тех, кто может пригласить на конференцию, оплатить лекции, сделать публикации и т.п. Если на Западе такими возможностями обладают ведущие кафедры, то у нас – только ректоры или директора крупных исследовательских институтов. Поэтому и индекс Хирша у них зашкаливает. Этот феномен известен с давних пор под названием ритуальных ссылок. Кроме того, ссылки идут на коллективные работы, где есть наши и зарубежные – американские, немецкие и др. – ученые вместе. Например, особенно в области нанотехнологии одна и та же небольшая статья с некоторыми изменениями публикуется несколько раз в разных рейтинговых изданиях, где иногда до десяти соавторов, среди которых обязательно есть наши соотечественники, работающие одновременно у себя на родине и за границей. Пресловутый индекс Хирша в принципе ничего не показывает в плане продуктивности ученого! Как известно, работы Менделя долгое время вообще не цитировались, зато академику Лысенко при жизни можно было бы присвоить самый высокий индекс Хирша.

Мы теперь вынуждены все время следить за своими показателями и приводить себя в соответствие с созданной междуна-

родной и нашей бюрократической виртуальной реальностью. Однако, чтобы это делать, опять-таки нужны средства, и немалые. Наши исследовательские институты и университеты (за исключением Высшей школы экономики) не выделяют средств для вхождения в системы *Web of Science* и *Scopus*, чтобы исследователи могли корректировать там свои данные. Кроме того, наши имена часто передаются при переводе на английский язык по-разному. В нашей родной системе РИНЦ отражены далеко не все наши публикации и ссылки на них. Вопрос: и в чем же здесь виноваты конкретные исследователи? Наши ведущие журналы упорно не входят в так называемый список Томпсона (для этого нужно пройти регистрацию и выполнить некоторые обязательные требования) и не всегда правильно дают фамилии авторов и резюме на английском языке. На все это нужны финансовые средства. Китайцы и голландцы (и немцы, конечно), например, такие средства от своих государств получают. Отсюда и интерес к ним американцев и всего научного сообщества.

На конференции научных работников РАН «Настоящее и будущее науки в России. Место и роль Российской академии наук» 29 сентября 2013 г. прозвучал призыв нашего соотечественника, работающего в одном из шведских университетов: присылайте нам студентов и аспирантов, мы готовы им помогать. Но такие вещи не делаются автоматически и не могут сводиться лишь к призывам с трибуны. Это требует кропотливой организационной работы. Именно к таким проектам уже более десяти лет относится Российско-Германский (аспирантский) колледж. Это совместный

ки техники и системного анализа, фактически социально-гуманитарного профиля) и проблемно-ориентированных проектных групп. Я уже не говорю о том, что недавно он слился с техническим университетом г. Карлсруэ в некоторый противоестественный для Германии конгломерат – Karlsruhe Institute of Technology (KIT). Я это пишу отнюдь не для того, чтобы уличить кого-то в чем бы то ни было, а для того, чтобы наши естествоиспытатели и технари, наконец, поняли, что это тоже сфера особых исследований, причем социально-гуманитарных, а не расуждение по типу «я там был и все видел сам».

проект Института философии Российской академии наук (ИФРАН), философского и политологического факультетов Государственного академического университета гуманитарных наук (ГУГН) и Технического университета г. Карлсруэ, а также Института оценки техники и системного анализа Исследовательского центра г. Карлсруэ (Германия). Партнером соглашения был также Международный независимый эколого-политологический университет. За этот период подготовлено 135 выпускников, многие из которых (как гуманитарии, так и инженеры, естествоиспытатели и экономисты) защитили кандидатские и докторские диссертации и успешно работают в научных организациях и на промышленных предприятиях в России (в том числе в ИФРАН и ГУГН – 17 человек, защитивших кандидатские и докторские диссертации). Причем финансирование данного проекта осуществлялось только германской стороной (стипендии, материальная база в Германии и России). Одной из важнейших составляющих этой программы является философия науки и техники. В 1999 г. при Университете г. Карлсруэ также была учреждена так называемая Международная академия устойчивого развития и технологий, одной из задач которой стала организация практики студентов на германских предприятиях и в исследовательских организациях ФРГ. В 2004 г. в проект вошел МГУ им. М.В. Ломоносова. С германскими партнерами было подписано Соглашение о развитии и совершенствовании этой программы с учетом новых требований, в том числе предъявляемых в рамках Болонского процесса. И вот уже пять лет мы продолжаем эту работу по совместной с МГУ магистерской программе «Европейская культура и история идей» с двумя дипломами, с двухсеместровым обучением в Германии и чтением лекций немецкими профессорами в Москве. Причем наши студенты и аспиранты признаны лучшими в сравнении с немецкими. О каком улучшении работы с

помощью чиновников может идти здесь речь? Я уверен, что такого рода кооперация существует уже много лет во многих академических институтах. Главное, чтобы не мешали. О ней не кричат с трибун, потому что никогда заранее не знаешь, будут ли за это хвалить или, наоборот, гнობить.

В-третьих, прослеживается явное расхождение на «никому не нужных гуманитариев, только рассуждающих непонятно о чем и клепающих псевдодиссертации», и ориентированных на прикладные задачи естествоиспытателей, математиков, представителей технических наук. Однако, чтобы что-то приложить, нужно иметь – куда. Вот это «куда» у нас за последние десятилетия почти полностью разрушено. Вслед за военно-промышленным комплексом (ВПК) перестала существовать отраслевая наука. А именно ВПК питал большую часть РАН.

Мы часто думаем, что наши известные физики, химики, биологи, математики – из храма «чистой» науки. А ведь они участвовали в разработке атомного, химического, биологического, лазерного и т.п. оружия и на этом сделали свою основную, в том числе академическую, карьеру. Тем и сильны были. И финансирование оттуда шло. А чтобы увековечить себя как мыслителей, можно было и «пофилософствовать», и историю науки (прежде всего – своей собственной) написать. Значит, и гуманитариям кое-что перепало. Но теперь всего этого нет.

Раньше об этой своей принадлежности к ВПК говорить было запрещено. Теперь проговариваются. Как-то я брал интервью у одного известного академика, математика в Новосибирске. Договорились встретиться в Москве на его служебной квартире, которая оказалась в том доме, где я живу. А дом этот принадлежал тогда Министерству среднего машиностроения (потом Минатому), ответственному за разработку атомного проекта. Значит, и математик этот участвовал в соответствующих разработках. Академик Ж.И. Алферов недавно в очередном интер-

вью обмолвился, что развитие науки у нас во многом обязано А.П. Берия. Спасибо, конечно, Лаврентию Павловичу за то, что многих ученых вытащил с лесоповала (куда, впрочем, по его же приказу их ссылали) в «шарашки». Так спасли Королева, так уже при Хрущеве Тимофеева-Ресовского вытащили изучать последствия Кыштымской ядерной катастрофы под Челябинском. Управляли же ими в этих шарашках эффективные менеджеры из НКВД. Только после того, как в 1953 г. они «ушли» с руководящих постов, развитие этих проектов резко пошло вверх.³

Так что нет ничего нового, а есть только хорошо забытое старое. Когда сегодня взахлеб говорят о новейшем кластерном анализе и необходимости создания кластеров в науке и промышленности, то как будто забывают, что нечто подобное уже было в оборонных министерствах под названием научно-технические, научно-производственные и т.п. объединения предприятий. Берия действительно поддерживал науку и инженерию, управляя ими с помощью трех главных управлений Совмина СССР (атомного, ракетного и радиолокационного проектов), но только потому, что без ученых их было невозможно реализовать. Поэтому даже странности ученых терпели. Средств на эти проекты было выделено немерено, несмотря на то, что после войны народ голодал и жил в подвалах. Ученым же и инженерам перепадал кусок с хозяйского стола в закрытых городках и организациях без названия, получивших в повседневном обиходе кличку номерных предприятий или почтовых ящиков (хотя их номер тоже был засекречен). Но было это сделано потому, что удержать власть без атомной и водородной бомбы, ракет и радиолокационных систем для противовоздушной обороны было невозможно. Для их разработки нужны были ученые.

Гуманитарии тоже были нужны, но свои, ручные, для идеологической поддержки существующего режима. Сегодня всех гуманитариев и особенно философов рассматривают как «мешающий фактор»: они задают каверзные вопросы, чего-то там анализируют и делают выводы, не всегда согласующиеся с официальной доктриной (которой сегодня, впрочем, вообще нет), да еще и публикуются в открытой печати. Поэтому академическая элита (физики, химики, биологи и математики) негласно, а иногда и гласно поддерживают идеи о ликвидации гуманитарного сектора РАН, а потом, возможно, и кафедр в университетах. Немцам в этом смысле повезло. Бисмарк в свое время издал указ, что без таких кафедр университеты (прежде всего – технические) превращаются в профтехучилища с соответствующим понижением статуса и зарплаты профессоров. Ведь техника функционирует, в конечном счете, в обществе и является социальным феноменом, требующим особого социально-гуманитарного исследования. Однако даже наш известный нобелевский лауреат, провозглашая необходимость стычки фундаментальной естественной науки (прежде всего – физики) и новейших технологий, забывает, что эти технологии развиваются в обществе и призваны ему служить, и именно поэтому социально-гуманитарные исследования новейших технологий становятся так важны и необходимы. В Германии в Обществе Фраунхофера существует Институт системных исследований и инноваций (ISI), специально занимающийся социально-гуманитарным анализом развития науки, а в Сообществе Гельмгольца есть Институт оценки техники и системного анализа (ITAS), который проводит междисциплинарную экспертизу научно-технических проектов для Министерства науки Германии и Германского Бундестага.

³ Подробнее о радиолокационном проекте см.: *Горохов В.Г.* Технические науки: история и теория (история науки с философской точки зрения). М.: Логос, 2012.

Важную роль в консолидации России играет русский язык, отказ от него и тотальный переход на английский губительны не только для гуманитарной науки, но и для дальнейшего развития российского общества и государственности. Французы и немцы с переменным успехом этому сопротивляются. В сущности, современная наука стала возможна только после того, как во времена Галилея ученые перешли с латыни на национальные языки и создали национальные академии наук, поскольку инженерный корпус того времени, составлявший элиту тогдашнего общества, говорил и писал на национальных языках. Прежде всего это относится, конечно, к гуманитарным наукам. Как изучать Канта только по-английски? Особенно если есть прекрасный русский перевод с параллельным немецким текстом. Английский язык не только упрощает, но и огрубляет многие сложные философские рассуждения. В особенности, если это не родной язык. Но выросло новое поколение, которое может и хочет говорить только по-английски. Некоторые представители этой новой генерации, отучившись в третьеклассных американских и английских бизнес-школах (чаще всего это дети чиновников), теперь пытаются управлять нашими мегапроектами и учить нас науке, часто мало в ней разбираясь. Тем более что во многих областях мы ушли далеко вперед и наш уровень не ниже запад-

ноевропейского. Ссылаться им на нас нет никакого смысла, особенно тем русским, которые там «приземлились» и успешно «перекомпостируют» на английский то, что ранее было издано на русском языке. Время от времени удивляешься «новым» направлениям, так удивительно похожим на то, что обсуждалось у нас в 60–80-е гг. Вот вам и результат «железного занавеса»!

Гуманитариям часто инкриминируют плагиат, нечестно сделанные диссертации и т.п. грехи. Говорят также, что каждый без особых усилий может стать, например, философом, а физиком – нет. Это, конечно, глубоко снобистское заблуждение.⁴ Философам нужно многое знать, а главное – иметь вкус к философской рефлексии и навык в ней – любовь к мудрости и умение удивляться и сомневаться, как учили еще Сократ, Платон и Аристотель. Но взглянем на сферу естественных и технических наук. Многие великие академики получили свои звания и степени не столько за научные заслуги, сколько за организаторский талант в сфере науки и инженерии, имеющих отношение к ВПК (например, Королев или Расплетин). А уж как там писали диссертации, книги и статьи, мне хорошо известно («не читая, уничтожить»). Можно было за завесой секретности спрятать любой плагиат. Иногда диссертации отбирали и передавали другим, иногда коллективно писали начальству. В лучшем случае – в со-

⁴ 30 марта 2013 г. по Первому каналу Российского телевидения в кратком интервью тележурналисту Сергею Брылеву весьма уважаемый всеми нами ученый и Нобелевский лауреат академик Жорес Иванович Алферов, аргументируя причины своего отказа от работы в Общественном совете Минобрнауки, неуважительно, мягко говоря, высказался в адрес философов. Назвав министра Дмитрия Викторовича Ливанова философом, уважаемый Нобелевский лауреат, на мой взгляд, невольно сделал ему комплимент. Ведь учеными и одновременно философами были, например, Галилей, Декарт, Ньютон, Лейбниц, Эйнштейн, Бор и многие другие великие мыслители. Но уважаемый Жорес Иванович почему-то позволил себе мимоходом бросить в адрес философов обидные слова, назвав их болтунами. Он обрисовал в двух словах «приблизительную схему» развития науки и техники, которая заключается, по его мнению, в том, что сначала ученый-физик открывает новые явления и создает теорию, потом инженер приспособливает ее к технической практике – создает новый прибор. «Потом приходит философ, который не знает ни физики, ни математики, ни инженерного дела, но обо всем любит поговорить», т.е. ничего не понимает ни в науке, ни в технологиях, но рассуждает о них. Вынужден констатировать, что, напротив, многие специалисты в области естествознания и техники, обсуждая, как они считают, философские темы, демонстрируют свою некомпетентность.

авторстве. Там тебя никто не спрашивал, хочешь или нет. Если нет — вылетишь с работы без выходного пособия, да еще и с волчьим билетом. Вспоминаю случай, когда несчастному изобретателю вписали все начальство снизу доверху, включая директора, кстати, академика РАН. Но когда туда добавили еще и любовницу директора, автор возмутился. На что получил четкий ответ: будешь дергаться, твою фамилию снимем, ведь главный автор теперь — директор. В другом отраслевом институте всем коллективом отдела сочиняли трактат директору для защиты кандидатской диссертации в технических науках вообще по совокупности работ, т.е. на основе перечисления всех его заслуг по созданию различных изделий, начиная от начальника цеха на военном заводе. Пара моих статей также вышла в соавторстве с начальством из вышестоящей организации.

Поэтому не надо все валить на гуманитариев. Конечно, в последнее время было пропущено много слабых работ из конъюнктурных соображений. В результате теперь эти люди руководят наукой, поскольку самой наукой заниматься не могут и не хотят.

Далее, сегодня сильно критикуют РАН и вообще сферу науки за высокий средний возраст. Когда говорят о старении представителей той или иной области науки, ссылаясь на открытия, сделанные учеными в прошлые времена, главным образом в молодом возрасте, то забывают, что в прошлом люди и жили меньше, и карьерный рост их происходил в науке много быстрее. Теперь же подготовка ученого требует значительно большего времени и большего объема знаний. В особенности это относится к философии. Не случайно в Древней Греции указывались не даты жизни ученых,

а *акмэ* — время наибольшего расцвета их творческих сил, часто не зависящего от возраста.

При советской власти идеология, хотя и мешала свободному развитию многих областей философской науки (в особенности социальной философии), гарантировала от наезда на нее. Впрочем, всегда находились прорывные направления, которые признавались идеологически нейтральными, куда стекалась молодежь и творческие ученые. Еще лучше было в средневековых университетах и монастырях. Миряне с пиететом относились к работавшим там ученым и не задавали дурацких вопросов, зачем нужна философия. Может быть, объединение философии, прикладной этики, религиоведения и теологии в одну рубрику в новых учебных стандартах спасет ее от полного уничтожения...

Нас пугают академическим капитализмом, превращением ученых и преподавателей в рекламных менеджеров от науки и образования. Но ведь мы-то еще находимся на стадии академического феодализма, когда приторговывают зданиями и земельными участками! Справедливости ради нужно сказать, что так поступают и известные западные университеты, сдавая свои помещения под научные конференции в свободное от занятий время. Им эти здания принадлежат по королевским эдиктам еще со средних веков. В ходе грядущего квазиреформирования вообще не рассматривается судьба научно-исследовательских институтов. Их «передают» (читай: перепродают) от одних хозяев другим, даже не спрашивая населяющих эти институты людишек (научных сотрудников). Как в старом анекдоте: «Да здравствует рабовладельческий строй — светлое будущее всего человечества» — лозунг в пещере первобытного человека!

